

6. Nabokov, V. *Sobraniye sochinenij russkogo perioda*, v 5 t. [Collected Works of Russian period, in 5 v.], vol. 5, Sankt-Petersburg, 2000, 832 p.
7. Nabokov, V. *Sobraniye sochinenij amerikanskogo perioda*, v 5 t. [Collected Works of American period, in 5 vol.], vol. 5, Sankt-Petersburg, 2004, 700 p.
8. Senderovich, S., Shwarts, E. *The Nabokov bulletin*, 1999, 4, 1999, pp. 142–143.
9. Solovyov, V. *Sochinenija*, v 2 t. [Collected Works, in 2 vol.], Moscow, 1990, 822 p.
10. Solovyov, V. «*Nepodvizhno lish' solnce lubvi...*» *Stikhotvorenija. Prosa, Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [«Only the sun of love is motionless...» Poems. Prose. Letters. Memoirs of Contemporaries], Moscow, 1990, 445 p.
11. Florensky, P. *Imena* [Names], Moscow, 2008, 896 pp.
12. Shadursky, V. *Alexander Blok i mirovaja kultura* [Alexander Block and World Culture], 2000, pp. 256–287.

УДК 82:1(47)

ББК 83.3:873(2)

В. НАБОКОВ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ: ВЕЧНЫЙ ДИАЛОГ

Н.Л. ТАГАНОВА

Ивановская государственная текстильная академия
проспект Фридриха Энгельса, д. 21, г. Иваново, 153000, Российская Федерация
E-mail: natle@yandex.ru

Рассматривается текстовое пространство романа В. Набокова «Приглашение на казнь» как сложный метамир, не замкнутый в рамках одного этого произведения, но включающийся в широчайшую интертекстуальную парадигму мировой литературы. С использованием интертекстуального, структурно-типологического (выстраивание типологии авторского сознания с точки зрения отношения к традиции), историко-генетического методов выявляются разнообразные литературные ходы и приемы, аллюзии и реминисценции, анализ которых позволяет утверждать существование вневременного диалога В. Набокова с Ф.М. Достоевским. Обнаружен и интерпретирован ряд новых нюансов интертекстуального взаимодействия писателей. Делается вывод о том, что тексты В. Набокова и Ф.М. Достоевского находятся в отношениях взаимной корреляции смыслов.

Ключевые слова: гностицизм, интертекст, философия, миф, метамир, диалог, игра.

V. NABOKOV AND F. DOSTOYEVSKY: ETERNAL DIALOGUE

N. TAGANOVA

Ivanovo State Textile Academy
21, Fridriha Engelsa pr., Ivanovo, Russian Federation, 153000
E-mail: natle@yandex.ru

The author considers the context space of V. Nabokov's novel «Invitation to Beheading» as a complex metaworld which is not locked in the bounds of only one this novel but included in wide intertextual paradigm of the world literature. The author explores various literature methods and

techniques, allusions and reminiscence to analyze the existence of eternal dialogue of V. Nabokov and F. Dostoevskiy by means of applying the intertextual, structural and typological (creating the typology of author's consciousness according to the relation towards the tradition), as well as historical and genetic methods. The author finds out and interprets the set of the new features of writers' intertextual interaction. The author makes a conclusion that the texts of V. Nabokov and F. Dostoevskiy are in mutual sense correlation.

Key words: *gnosticism, intertext, philosophy, myth, metaworld, dialogue, game.*

Существует мнение, что вне привлечения категории интертекстуальности набоковское творчество не может быть осмыслено в принципе, как невозможно и адекватное проникновение в суть замысла художественной организации пространства его произведений. Причем несомненно и то, что обширнейший пласт набоковских интертекстуальных связей на данный момент является недостаточно изученным. Несмотря на то что к этой теме обращались такие исследователи, как О. Дарк, П. Бицилли, Н. Букс, С. Давыдов, А. Долинин, А. Злочевская, В. Старк, Г. Левинтон, П. Тамми и др., пути осмысления взаимосвязи В. Набокова с его предшественниками лишь намечены, что и обуславливает актуальность данного вопроса.

Вневременной диалог В.В. Набокова и Ф.М. Достоевского, на первый взгляд выразившийся лишь в «литературной злости» автора «Приглашения на казнь» и его все усиливающихся нападок на своего гениального предшественника, имеет характер мучительного отталкивания Набокова от мучительно притягивавшего его Достоевского. Стоит остановиться подробнее на характере сложнейших взаимоотношений двух писателей, чтобы понять суть и следствия этой «злости».

В лекциях по русской литературе, многочисленных интервью, даже в комментариях к «Евгению Онегину» Набоков, все усиливая резкость формулировок, не перестает характеризовать Достоевского, как «одного из пламенных вещателей тяжеловесных банальностей» [1, с. 741], третьесортного писателя, автора «абсурдных», посредственных романов с «чернобородыми убийцами, изображенными как некий негатив тривиального образа Иисуса Христа, и плаксивыми проститутками, взятыми напрокат из слезоточивых романчиков предшествующей эпохи» [2, с. 100].

Уничижительные отзывы о великом классике проскальзывают и в романах Набокова. Так, Вадим Вадимович Н., пародийный двойник автора из романа «Посмотри на арлекинов!», вставляет в текст книгу о Достоевском, уничтожающую сочинителя сентиментальных готических романов. Фабула набоковской «Лолиты» пародийно отсылает к исповеди героя Достоевского Ставрогина, а Гумберт Гумберт внезапно осознает в себе омерзительное прорастание все тех же героев Достоевского: «Внезапно, господа присяжные, я почувал, что сквозь самую эту гримасу, искажавшую мне рот, усмешечка из Достоевского брезжит как далекая и ужасная заря» [3, с. 86]. Сама структура повествования «Лолиты» недвусмысленно отсылает к адресованному суду «сло-

ву» из «Записок из подполья», равно как и герой романа «Отчаяние», постоянно обращающийся к необозначенным судьям и обнаруживающий в себе «карикатурное сходство с Раскольниковым» [4, с. 449].

«Брань по адресу Достоевского, придирки к “эстетике” – замечает Л. Сараскина, в очередной раз прочитав “Отчаяние” как дуэль с великим предшественником, – были своего рода конспирацией; за позой неприятия скрывалась мучительная зависимость от мира “совершенно безумных персонажей” от их автора» [5, с. 568].

«Не скрою, мне страстно хочется Достоевского развенчать» [6, с. 176], – заявляет Набоков в лекции о Достоевском для американских студентов. Однако по прочтении этой лекции создается такое впечатление, что Набоков всеми силами старается отвратить, а тем самым и оградить западного слушателя от Достоевского.

В начале 30-х годов XX в. Набоков выступил в Берлине с большим докладом о «Братьях Карамазовых» под знаковым названием «Достоевский без достоевщины», в котором призвал взглянуть на Достоевского не как на мыслителя и пророка, а как на художника слова. Это совершенно необходимо, говорит Набоков, потому что «над именем Достоевского вырос за последние полвека такой курган схоластических комментариев, что Достоевский-художник, Достоевский-писатель – задавлен, зарыт» [7, с. 277]. Именно с таким Достоевским, художником и писателем, вступает в диалог Набоков.

Диалог Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова отчетливо прослеживается в набоковском тексте «Приглашение на казнь», причем перед нами не спор, не полемика, а именно диалог, основанный на переплетении актуальнейших для обоих авторов мотивов и направленный на выявлении той доминанты, что лежит в основе генезиса Вселенной.

Так, анализ романов Ф.М. Достоевского в контексте набоковского «Приглашения на казнь» позволяет сделать любопытный вывод о глубокой заинтересованности обоих писателей философией гностицизма, имеющей, впрочем, разные точки приложения. Так, если у Набокова гностицизм суть прерогатива как героя «Приглашения на казнь», так и автора и перед нами несомненное приятие гностической доктрины, то вопрос отношения Достоевского к данной философии намного сложнее¹: с опаской к ней относясь, он наделяет иных своих героев ярко выраженными гностическими чертами, что определенно служит реализации сложного и тонкого художественного замысла.

Набоков сам намекнул на угадываемые в его романе гностические элементы, изменив определение совершенного героем «Приглашения на казнь» Цин-

---

¹ См.: Мартынов А. Литературно-философские проблемы русской эмиграции: сб. ст. – М.: Посев, 2005; Евлампиев И.И. Ф. Достоевский и гностическая религиозность русской философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 9. № 2.

цинцинатом Ц. преступления: «гносеологическая гнусность» русского оригинала превратилась в «гностическую гнусность» английского перевода [8, с. 72].

Мотив полета, ставшего первым свидетельством инаковости героя, также имеет отчетливые гностические отзвуки. В. Александров в своем исследовании «Набоков и потусторонность» пишет: «Детская прогулка Цинцинната по воздуху... прообразом своим имеет гностическое разделение человечества на индивидов духовных и телесных, а также миф об изначальном пленении человеческого духа» [9, с. 106].

Одним из центральных убеждений гностиков является вера в то, что пробудить душу избранного от дремотного состояния в земной юдоли может некий духовный избавитель или какое-то знамение, посланное положительной, одухотворенной силой света². У Набокова это гностическое представление воплощается в таинственном послании о неведомом отце, которое приносит Цинциннату мать. Рассказывая о его отце, о котором никогда не знали, ни кто он, ни откуда, Цецилия Ц., с которой они внезапно встретились и так же внезапно расстались, говорит, что слышала «только голос – лица не видела» [10, с. 126]. Этот мифологический отец настолько развоплощен и слит со своей тайной стихией, настолько по ту сторону материального, что реальным остаётся только голос.

В. Александров замечает: «Цецилии назначена роль более “развитой”, с позиции гностицизма, личности, чем её сын. В её душу заронена божественная искра, больше того, она в любой момент готова обнаружить этот дар. <...> Рассказывая о “нетках”, странных предметах, которые кажутся бесформенными и бессмысленными, но, отражаясь в особенных, кривых зеркалах, складываются в “чудный и стройный образ”, она как бы намекает, что ей открыты тайны бытия и непримиримого различия миров материи и духа. <...> Можно понять, что на этих высотах, где она пребывает, будущее Цинцинната тайны не представляет» [9, с. 126]. Цинциннат Ц., вплоть до последних страниц «Приглашения на казнь», находится в отношениях самоидентификации и референции с окружающим пространством тюрьмы. Тем самым оба героя центрированы и прикованы к психическому уровню (т.е второй ступени гностической триады), и исход в пневматическое (т.е децентрированное) им закрыт. Однако в амбивалентном финале романа, по словам С. Давыдова, «вслед за реинтеграцией всей духовной субстанции и ее воссоединением с первоисточником наступает эсхатологический момент, ознаменованный уничтожением лишённого пневмы и света материального космоса. <...> К концу романа Цинциннат доходит до окончательного, всезавершающего познания смерти, он разоблачает карнавальную мистерию смерти и открывает истинную,

---

²См. например: Св. Ириней Лионский. Творения (Серия «Библиотека отцов и учителей Церкви». II). М.: Благовест, 1996. 640 с.

гностическую тайну о ней» [11, с. 136]. Роман рядом исследователей³ прочитывается как гностическая эпифания, намеченная и не реализованная в стихотворении и утверждающая слияние с пневмой и вечностью.

Перед нами свойственное гностикам отождествление Христа и мира, Христа и человека (смерть первого равна смерти второго)⁴, а также гностическая поляризация природы и духа, физики и метафизики, ведущая к идее заключенности человеческого духа в тюрьму его плотской природы, преодоление которой возможно лишь через смерть и выход в пневматическое. В гностическом апокрифе Иоанна говорится⁵: «Я – память Плеромы... И я вошла в середину их темницы, это темница тела, и я сказала: «Тот, кто слышит, да восстанет он ото сна тяжелого» [12, с. 217].

Согласно еще одной гностической идее, спасение обретается через познание высших истин⁶. Подчеркнутая автором, но еле выразимая интуиция Цинциннат позволяет ему улавливать в этом мире нечто существенное, важное и иным недоступное, а именно, его растущее осознание того, что смерть следует приветствовать как освобождение из земной тюрьмы. А. Ханзен-Леве в «Русском символизме» замечает, что «мотив «мир (или тело) как тюрьма» характерен для гностицизма...; «этот» мир находится по отношению к «тому» миру... в непримиримом противостоянии... Тело и душа должны быть отброшены, чтобы «искра света», «пневма» могла возвратиться в пра-единое...» [13, с. 100].

В финальной сцене казни Цинциннат, вдруг постигая ускользавшую суть вещей, «подумал: зачем я здесь? отчего я так лежу? – и задав себе этот простой вопрос, он отвечал тем, что привстал и осмотрелся. <...> Все падало. Винтовой вихрь забирал и крутил пыль, тряпки, крашенные щепки, мелкие обломки позлащенного гипса, картонные кирпичи, афиши; летела сухая мгла; и Цинциннат пошел среди пыли, и падших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему» [10, с. 186–187].

Герои-гностики Достоевского, как и Цинциннат Ц. во время своих метафизических развоплощений, наделены телесной неполнотой, и эта недово-

---

³ Напр.: Александров В.Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. СПб., 1999; Ермилова Г.Г. Набоков и Достоевский: гностические мотивы // Шестое чувство. Иваново, 2003.

⁴ в основе гностических верований лежит примирение и воссоединение божества и мира, абсолютного и относительного бытия, бесконечного и конечного. Материальный мир, согласно гностикам, представляет собой хаотическую композицию разнородных элементов, суть бытия мира – в разделении этих элементов и возвращении каждого в свою сферу.

⁵ Речь идет об Эпинойе света, являющейся слагаемым Софии Премудрости Божьей и образующей жизнь.

⁶ Ср.: Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания. М.: Индрик, 2002. (Серия «Святоотеческое наследие». Т. 5).

лощенность подчеркивает их отрыв от эмпирической плоти. Ипполит («Идиот») «худ, как скелет», и «слаб, как сорванный с дерева дрожащий листик» (ср. с Цинциннатом, который «легок, как лист», его позвонки проступают сквозь кожу). Физическая природа тяготит Кириллова («Бесы»), который говорит о перерождении людей, «ибо в теперешнем физическом виде... нельзя быть человеком без прежнего бога никак» [14, с. 472]. Говоря о Кириллове, Г.Г. Ермилова проницательно делает акцент на том, что Петр Верховенский «теряет» его в комнате, из которой тот не мог выйти. «И хотя тут же становится ясно, что Кириллов прячется за шкафом, но инерция восприятия его души в некотором дистанцировании от тела не только не ослабевает, но, напротив, усиливается» [15, с. 58]. Развоплощение Кириллова происходит перед сценой самоубийства: вся фигура его – «точно окаменевшая или восковая», глаза же были «неподвижны и глядели в какую-то точку в пространстве», причем в какой-то момент Верховенский понимает, что тот «хоть и смотрит куда-то пред собой, но искоса его видит и даже, может быть, наблюдает» [14, с. 475].

Согласно учению гностиков, спасение обретается через познание высших истин. И Ипполит и Кириллов «прозревают» – первый видит «темное, глухое и всесильное существо», которому он не хочет подчиняться, второй останавливает часы в момент, когда он приходит к осознанию своей идеи о пришествии человекобога.

Несмотря на устойчивое использование гностических элементов в произведениях Достоевского, гностическая парадигма может считаться лишь частью возможного истолкования текстов писателя, религиозное мировоззрение которого никак не может быть названо гностическим.

Говоря о реминисценциях Ф.М. Достоевского у В. Набокова, на поверхности лежит образ Цинцинната Ц., окруженный карикатурными «осколками» от героя «Преступления и наказания»: Родион – Роман – Родриг Иванович. Воспроизведена тройственная рычащая анаграмма имени Родиона Романовича Раскольников. К Достоевскому же (образы пошляка Петра Петровича Лужина и следователя Порфирия Петровича) отсылает нас и настоящее имя палача – Петр Петрович. Несомненно портретное сходство героев. Цинциннат Ц. амбивалентно вобрал в себя черты двух типов героев Достоевского. С одной стороны, он, подобно князю Мышкину («ребенок», «невинный простофиля», «точно даже и не мужчина»), бесплотен, или беспол. Любовь его к Марфиньке, как и любовь князя Мышкина к Аглае, Настасье Филипповне, – платоническая, агапэ, имеющая в основе желание духовного единения и взаимопроникновения. С другой стороны, Цинциннат волей-неволей вовлечен в плотскую парадигму отношений с дочерью директора тюрьмы, двенадцатилетней Эммочкой. Разумеется, перед нами не ставрогинско-свидригайловский искус, однако отсыл к этим героям и контексту Достоевского несомненен.

Беседы м-сье Пьера и Цинцинната – явное пародирование душеспасительных бесед Порфирия Петровича и Раскольникова. Сама манера поведения (постоянное хождение) и речи с обилием уменьшительно-ласкательных форм и постфиксов «-с», обращениями к своей жертве «голубчик», «батюшка», витиеватое многословие по контрасту с угрюмой скупостью ответов собеседников – все это общее у Порфирия и м-сье Пьера, равно как и нарочито фамильярный тон и акцентирование дружелюбия. Порфирий Петрович настаивает: «Я вас, батюшка, пригласил теперь по-домашнему, совершенно этак по-дружески!» [16, с. 269]. «Разрешите мне на правах дружбы...», – уже на второй встрече заявляет м-сье Пьер [10, с. 113]. В речи Порфирия Петровича при прощании с Раскольниковым проскальзывает любопытная фраза: «Увидимся-с... и окончательно познаем друг друга» [16, с. 272]. М-сье Пьер подводит итог беседам с Цинциннатом следующим образом: «Думаю, что я вас знаю теперь лучше, чем кто-либо на свете, – и уж конечно интимнее, чем вас знала жена» [10, с. 146]. На торжественном ужине накануне казни гости кричат «горько». Характер отношений жертвы и палача приобретает специфическую форму интимного взаимопроникновения и познания внутренней сущности во всей ее наготе.

И наконец, еще одно любопытное сближение. Раскольников называет Порфирия «полишинель проклятый». А это тот самый балаганный петрушка, кукла, которую, называя «тезкой», носит под мышкой м-сье Пьер. И это не случайное совпадение имен, но обнаружение их тождественной балагурной сущности.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что тексты В. Набокова и Ф.М. Достоевского, несомненно, находятся в отношениях взаимной корреляции смыслов. Более того, набоковский текст по-своему *проясняет* некоторые тексты его литературного предшественника и оппонента, делая их диалог дискурсивно-многообразным и насыщенным.

Список литературы

1. Набоков В.В. Комментарии к «Евгению Онегину». М.: НПК «Интелвак», 1999. 1008 с.
2. Набоков В.В. Смотри на арлекинов! // Набоков В.В. Собр. соч. американского периода. СПб.: Симпозиум, 1999. 700 с.
3. Набоков В.В. Лолита. М.: Худож. лит., 1991. 415 с.
4. Набоков В.В. Отчаяние // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4-х т. М., 1990. Т.3. 480 с.
5. Сараскина Л. Набоков, который бранится... // Набоков В.В.: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1999. 976 с.
6. Набоков В.В. Федор Достоевский // Набоков В.В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. М.: Независимая газета, 1998. 439 с.
7. Долинин А. Набоков, Достоевский и достоевщина // Старое литературное обозрение. 2001. № 1 (277). С. 39–46.
8. Nabokov V. Invitation to a Beheading. NY, 1965. 223 p.
9. Александров В.Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. СПб.: Алетейя, 1999. 320 с.

10. Набоков В.В. Приглашение на казнь // Набоков В.В. Собр. соч.: в 5 т. СПб., 2000. Т.4. Русский период. 782 с.
11. Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. СПб.: Кирцидели, 2004. 158 с.
12. Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989. Ч. 2. 336 с.
13. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 511 с.
14. Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 10. 519 с.
15. Ермилова Г.Г. Достоевский и Набоков: гностические мотивы // Шестое чувство: сб. науч. тр., посвященных памяти П.В. Куприяновского. Иваново, 2003. С. 147–160.
16. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т.6. 424 с.

References

1. Nabokov, V.V. *Kommentarii k «Evgeniyu Oneginu»* [Commentaries to «Eugene Onegin»: the novel in verse by Aleksandr Pushkin], Moscow: NPK «Intervak», 1999, 1008 p.
2. Nabokov, V.V. *Smotri na arlekinov! Sobranie sochineniy amerikanskogo perioda* [Look at the Harlequins: Collected Works of the American Period], Sankt-Petersburg: Simpozium, 1999, 700 p.
3. Nabokov, V.V. *Lolita* [Lolita], Moscow: Hudozhestvennaya Literatura, 1991, 415 p.
4. Nabokov, V.V. *Otchayanie* [Despair], Moscow, 1990, vol. 3, 480 p.
5. Saraskina, L. Nabokov, kotoryi branitsya [Nabokov scolds] in V.V. Nabokov: *Pro et contra* [V.V. Nabokov: Pro et contra], Sankt-Petersburg: RHGI, 1999, 976 p.
6. Nabokov, V.V. *Lektsii po russkoy literature: Chehov, Dostoevskiy, Gogol', Gor'kiy, Tolstoy, Turgenev* [Lectures on Russian Literature: Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy, Turgenev], Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 1998, 439 p.
7. Dolinin, A. *Staroe literaturnoe obozrenie*, 2001, 1(277), pp. 39–46.
8. Nabokov, V. Invitation to Beheading, New York, 1965, 223 p.
9. Aleksandrov, V.E. *Nabokov i potustoronnost': metafizika, etika, estetika* [Nabokov and the World Above: Metaphysics, Ethics, Aesthetics], Sankt-Petersburg: Aleteia, 1999, 320 p.
10. Nabokov, V.V. Priglasenie na kazn' [Invitation to Beheading] in Nabokov V.V. *Sobr. soch v 5 t.* [Nabokov V.V. Collected Works in 5 vol.], Sankt-Petersburg, 2000, vol. 4, 782 p.
11. Davydov, S. «Teksty-matreshki» Vladimira Nabokova [Vladimir Nabokov's Texts like Matreshkas], Sankt-Petersburg: Kircideli, 2004, 158 p.
12. *Apokrify drevnikh khristian: Issledovanie, teksty, kommentarii* [Apochrypha of Ancient Christians], Moscow: Mysl', 1989, ch. 2, 336 p.
13. Hanzen-Lyove, A. *Russkiy Simvolizm. Sistema povticheskikh motivov. Ranniy simvolizm* [Russian Symbolism. System of Poetic Motives/ Early Symbolism], Sankt-Petersburg, 1999, 511 p.
14. Dostoevskiy, F.M. Besy [Demons] in Dostoevsky F.M.: *poln. sobr. vch. v 30 t.* [Dostoevsky F.M.: Completed Works in 30 vol.], Leningrad: Nauka, 1985, vol. 10, p. 519.
15. Ermilova, G.G. Dostoevskiy i Nabokov: gnosticheskie motivy [Dostoevsky and Nabokov: Gnostic Motives] in *Shestoe chuvstvo* [Sixth Sense], Ivanovo, 2003, pp. 147–160.
16. Dostoevskiy, F.M. Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment] in Dostoevsky F.M.: *poln. sobr. vch. v 30 t.* [Dostoevsky F.M.: Completed Works in 30 vol.], Leningrad: Nauka, 1985, vol. 6, p. 424.